

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПАРАДИГМЫ

А.Н. Круглов

Религия разума Канта и образ концентрических кругов*

Алексей Николаевич Круглов – доктор философских наук, профессор. Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы. Российская Федерация, 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6;

e-mail: akrouglov@mail.ru
ORCID: 0000-0002-1152-1309

Кантовский трактат «Религия в границах одного только разума» (1793), ранее переведенный на русский язык под названием «Религия в пределах только разума», является единственным кантовским произведением, название которого Кант неоднократно пытался разъяснить на протяжении целого ряда лет после выхода этого сочинения. Причина этого странного обстоятельства состоит в том, что провоцирующее заглавие трактата в лапидарной форме объяло в себе серьезные проблемы, волнующие исследователей и по сей день: характер религиозности за узкими границами разума, источники религии разума, соотношение религии разума и библейской теологии, отношение религии разума к Библии и к исторической церкви, вне- или надконфессиональный характер позиции Канта. Часть из этих вопросов Кантом обстоятельно разобрана в «Религии в границах одного только разума» и более поздних сочинениях, часть лишь обозначена. Для наглядного объяснения собственной позиции Кант – вероятно, не без влияния А.М. Белосельского-Белозерского – прибегает к образу концентрических кругов, в дальнейшем проясняемому через образ мужа и одежды. На формирование образа концентрических кругов, внутри самого узкого из которых пребывает религия разума, а более обширный круг составляет религия Откровения, повлияло кантовское понимание религии в качестве того, что имеет преимущественно моральное содержание, а также утверждение автономии морали. Дополнительным аргументом в пользу подобного понимания религии разума явилась для Канта развивающаяся библейская критика и применение всего арсенала филологических средств к теологии, от разрушающего и релятивизирующего воздействия которых Кант намеревался освободить внутренне ядро неизменных и наиболее важных истин морали и религии.

* Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда № 24-28-01183, <https://rscf.ru/project/24-28-01183/>

Ключевые слова: Кант, религия разума, философия религии, концентрические круги религии, «Религия в границах одного только разума»

Ссылка для цитирования: Круглов А.Н. Религия разума Канта и образ концентрических кругов // Философия религии: аналит. исслед. / Philosophy of Religion: Analytic Researches. 2024. Т. 8. № 2. С. 53–67.

Kant's Religion of Reason and the Image of Concentric Circles

Alexei N. Krouglov

Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University). 6 Miklukho-Maklaya Street, Moscow, 117198, Russian Federation;

e-mail: akrouglov@mail.ru

ORCID: 0000-0002-1152-1309

Kant's treatise "Religion within the Bounds of Bare Reason" (1793) was previously translated into Russian under the title "Religiya v predelah tol'ko razuma". In the new translation, its title is "Religiya v granicah odnogo tol'ko razuma". It is the only Kant's work that title Kant repeatedly tried to clarify in the years following its publication since the provocative title addressed serious philosophical problems in the lapidary form. Today, researchers still face these problems: the nature of religiosity beyond the narrow bounds of reason, the sources of the religion of reason, the relation between the religion of reason and biblical theology, the relation of the religion of reason to the Bible and to the historical church, the extra-denominational or supra-denominational character of Kant's position. Some of these issues Kant elaborated in "Religion within the Bounds of Bare Reason" and later treatises, while some of them he only indicated in the same works. To explain his own position clearly, he – probably under the influence of A.M. Beloselsky-Belozersky – used the image of concentric circles. Further he clarified this image with another image of a "man" and "garments". The narrow sphere (or a circle) is the religion of reason, and the wider sphere is the religion of Revelation. The image of concentric circles was influenced by the Kantian understanding of religion as something that has a predominantly moral content and the assertion of the autonomy of morality. The developing of biblical criticism and the application of the entire arsenal of philological tools to theology was another Kant's argument in favor of this understanding of the religion. Kant intended to free the inner core of the unchanging and most important truths of morality and religion from the destructive and relativizing influence of scientific and theological disputes.

Keywords: Kant, religion of reason, philosophy of religion, concentric circles of religion, "Religion within the Bounds of Bare Reason"

Citation: Krouglov A.N. "Kant's Religion of Reason and the Image of Concentric Circles", *Philosophy of Religion: Analytic Researches*, 2024, Vol. 8, No. 2, pp. 53–67.

В 1793 г. после продолжительных цензурных мытарств И. Кант наконец-то смог опубликовать трактат (вместо первоначально задуманного цикла из четырех статей) под названием "Die Religion innerhalb der Grenzen der bloßen Vernunft". Эта публикация имела для Канта своим следствием новые цензурные трудности уже на королевском уровне. Однако и вне зависимости от проблем свободы высказывания на темы философии религии в Пруссии конца XVIII в.

сам кантовский трактат столкнулся как в философской, так и в теологической среде с определенным непониманием. Первая трудность содержалась уже на титульном листе и касалась броского кантовского заглавия, вызвавшего разные толкования, которые касались роли разума в делах религии. Столкнувшись с недоумением и критикой, Кант вынужден был неоднократно разъяснять как смысл названия своего трактата, так и собственное понимание отстаиваемой в трактате религии разума, что нашло свое отражение как во втором издании трактата 1794 г., так и в ряде иных более поздних произведений. Эти разъяснения, однако, выходят за рамки собственно кантовской философии религии, поскольку затрагивают как его мораль и критическую философию в целом, так и вопрос соотношения философии и теологии в целом. Несмотря на то, что сформулированную Кантом позицию отделяет от нашей эпохи уже более двух столетий, его размышления не потеряли в некоторых аспектах актуальности и по сей день.

I. “Die Religion innerhalb der Grenzen der bloßen Vernunft”: проблема перевода заглавия трактата и его толкования

До недавнего времени кантовский трактат по философии религии в русском переводе публиковался трижды под названием «Религия в пределах только разума» [Кант 1908; Кант 1980; Кант 1994б]. В новейшем переводе заглавие переведено иначе – «Религия в границах одного только разума» [Кант 2024а]. Разночтения связаны не только с лингвистическими трудностями. Своим стремлением к яркому и привлекающему внимание заглавию Кант, вероятно, сам того не желая, заострил проблему роли разума в религии. При этом мало что, казалось бы, предвещало споры по поводу выбранного Кантом заглавия. На первый взгляд все выглядело так, будто речь идет об определенной вариации того, что внутри долгое время доминировавшей вольфианской метафизики в виде рациональной или естественной теологии составляло одну из дисциплин так называемой специальной метафизики. Выражение «из/согласно одному только разуму» (aus/nach der blossen Vernunft) равным образом было устойчивым оборотом в философских и теологических текстах той эпохи. Достаточно назвать в этой связи таких важных для Канта авторов, как Хр.А. Крузий [Crusius 1766: 592, §309], Г.Ф. Майер [Meier 1747: 198, §93; Meier 1765: 272, §961], И.А. Нёссельт [Nösselt 1774: 303, §272], пользовавшихся (наряду с другими) этим оборотом. Рассмотрение исходя из одного только разума противопоставлялось опоре и толкованию Откровения. Примечательно в этой связи истолкование рациональной теологии в «Метафизике» И. Хр. Эшенбаха:

Метафизика, которую в немецком языке называют главной наукой..., по-вестует в соответствии с сегодняшней привычкой о природе и свойствах человека и показывает, что он является не только телесной, но и мыслящей вещью, и состоит из двух существенно различных вещей, тела и души, которые соединены друг с другом посредством точной связи; далее, иногда о наличном мире, рассматриваемом в целом, поскольку это должно дать повод для

познания высшей внемировой сущности; наконец, о Боге, творце и владыке мира, в той мере в какой его природа и свойства могут быть познаны посредством одного только оставленного наедине с самим собой разума (durch die blosse sich selbst gelassene Vernunft) [Eschenbach 1757: 3–4, §1].

Учитывая все это, название кантовского трактата можно было бы изменить по смыслу следующим образом: «Религия с философской точки зрения», «Философское исследование религии» [Кант 2024а: 93; Kant 1914а: 13] или «Философское учение о религии» – так выглядел первоначальный заголовок трактата, сохранившийся в названии всех его четырех частей. Быть может, так бы этот трактат и воспринимался современниками, однако к “*der bloßen Vernunft*” Кант добавил еще один оборот: “*innerhalb der Grenzen*”, в силу чего сама собой возникла тема редукции религии к разуму и вопрос об элиминации всякой другой религиозности, кроме «разумной».

Еще до публикации трактата по философии религии Кант сформулировал принципиальную для своей критической философии разницу между границей (Grenze) и пределом (Schranke). В «Пролегоменах» (1783) это выглядит следующим образом:

Границы (у протяженных существ) всегда предполагают некоторое пространство, находящееся вне определенного места и заключающее его; пределы в этом не нуждаются, они только отрицания, которые порождают мысль о величине [Größe affizieren], поскольку она не имеет абсолютной полноты. Но наш разум как бы видит вокруг себя пространство для познания вещей самих по себе, хотя он никогда не может иметь о них определенных понятий и не простирается дальше одних лишь явлений. <...> Выше... мы говорили о пределах разума в отношении всякого познания чисто мысленных сущностей; теперь, когда трансцендентальные идеи необходимо доводят нас до них, доводят как бы только до соприкосновения наполненного пространства (опыта) с пустым (с тем, о котором мы ничего не можем знать, – с нуменами), мы можем определить и границы чистого разума, ведь во всех границах есть нечто положительное (например, плоскость есть граница телесного пространства, но и сама она пространство; линия есть пространство, составляющее границу плоскости; точка – границу линии, но все же она некоторое место в пространстве), тогда как пределы содержат одни лишь отрицания. Указанные в приведенном параграфе пределы еще недостаточны, после того как мы нашли, что за ними находится еще что-то (хотя мы никогда и не узнаем, что это такое само по себе) [Кант 1994а: 116, 118–119; Kant 1911: 352, 354, §57; Кант 2006: 961; В 789 / А 761]¹.

Если отталкиваться от этих кантовских разъяснений пределов и границ, получается, что религия в пределах только разума подразумевала бы некое отрицание за этими пределами, чем религия, и в самом деле преимущественно сводилась бы к разуму. Религия же в границах разума не только не исключает и не отрицает некоей религии за границами разума, но и прямо подразумевает ее, что как раз и соответствует кантовскому замыслу, чем и оправдывается новейший перевод заглавия трактата. Но далеко не все его читатели знакомы

¹ См. об этом подробнее также [Esposito 2009: 117–123; Feloj 2011: 31–46].

с тонкостями кантовской терминологии в иных произведениях критического периода.

В любом случае для разъяснения собственного замысла и для прояснения отношения между религией разума и библейской теологией сам Кант не столько ссылался на свои терминологические дистинкции былых лет, сколько пропововал вновь и вновь истолковать и прояснить смысл выбранного заглавия, ничуть от него не отказываясь, несмотря на всю звучащую критику. В «Споре факультетов» (1798) он подчеркнул:

Этот заголовок был специально сформулирован таким образом, чтобы данное сочинение нельзя было истолковать так, будто речь идет о религии только из разума (без откровения). Ибо это было бы слишком большой дерзостью, потому что могло быть и так, что ее учения происходили от людей, инспирированных сверхъестественными силами. Напротив, я хотел показать, но только в связи с тем, что то, что в тексте принимается за откровение религии, Библию, может быть понято *также и посредством одного только разума* [Кант 2024в: 251 примеч.; Kant 1917: 6 Anm.]².

В черновом наброске к этому произведению мысль Канта была выражена несколько проще:

Рел. в границах и т.д. не из одного только разума. – Ибо если она однажды существует, ее можно объединить с разумом [Kant 1955a: 451].

Помимо акцентирования существования религии разума наряду с религией откровения и теологией откровения Кант развивает здесь еще мысль о согласовании и объединении религии с разумом. В «Метафизике нравов» (1797) в этой связи отмечается:

Может, конечно, идти речь о «религии в границах одного только разума», которая, однако, выводится не из одного лишь разума, а основывается также на исторических и полученных посредством откровения учениях, и которая содержит лишь согласие чистого практического разума с этими учениями (а именно [утверждение], что религия не противоречит разуму) [Кант 2019: 255; Kant 1914b: 488]³.

Таким образом, сформулировав в последний момент название для трактата по философии религии, Кант еще как минимум в течение пяти лет в большинстве напечатанных в этот период произведений раз за разом прояснял название этого трактата 1793 г., и в этом отношении данное кантовское сочинение занимает уникальное место в кантовском наследии. Но первые разъяснения относятся еще к 1794 г., ко времени работы над вторым изданием произведения по философии религии. В черновых набросках к предисловию ко второму изданию мы читаем:

О заглавии. Оно не должно звучать как религия из одного только разума; ибо не только то, что он был бы одним только идеалом, поскольку, по всей видимости, никакая [религия] не истекает единственно из этого, – так я доверял

² Перевод исправлен по оригиналу.

³ Перевод исправлен по оригиналу.

бы себе в нем слишком много, и однако же при этом слишком сильно ограничивал бы мое поле. Я могу принять все действительно наличествующие виды веры под именем религии и из этого разыскивать то, что относится к одному только разуму, не желая приписывать это мнениям единоверцев, и так я пытаюсь лишь определить границы как чувственного и эмпирического в вере, так и их же – в разуме [Кант 2024б: 328; Kant 1955b: 91].

На этом Кант не остановился, добавив затем про заглавие:

Если бы оно звучало так «Религия одного только разума», то отсылка к столь многим местам Писания могла бы оправдать подозрение, что желают им приписать смысл или даже отеснить Библию, представляя ее не иначе как как некую философскую систему. Но надпись «Религия в границах одного только разума» сразу же дает распознать, что оно не имеет дело с источником, из которого может проистечь какая-либо позитивная (статутарная) религия, и о том, чтобы последнюю синтетически привести к сплошным понятиям разума, но в любом случае абстрагирует согласно аналитическому методу из этого только то, что один только разум может познать из себя самого. – Но в самой природе разума заложено, что он не составляет вместе в агрегате фрагментарно собранные понятия и основоположения, но с необходимостью исходит к единству и самостоятельности его познаний как системы. Поэтому для библейских теологов совершенно не может быть ударом, если он утверждает, что он для себя самого является целостной религией [Кант 2024б: 332; Kant 1955b: 94].

В переписке с известным католическим священником М. Ройсом Кант подчеркивал, что его трактат – «философского, а не собственно библейско-теологического содержания» [Кант 1955d: 496], и что он не имел намерения «погрешить против учений или обычаев какой-либо церкви», ибо говорил не о том, «какова вера человека вообще», а лишь о вере, которая ради религии может и должна опираться только на разум [Кант 1955d: 496–497].

Таким образом, из всех этих многочисленных разъяснений Канта следует, что Кант совершенно точно не сводил всякую религию к религии разума, а, напротив, рассматривал ее наряду со статутарными историческими религиями, основанными на Откровении. По этой причине распространенный до сих упрек в адрес Канта, будто он «низвел» религию до веры одного только разума, является несправедливым и необоснованным. Однако трудные вопросы на этом далеко не заканчиваются, а, скорее, только начинаются. Следует ли понимать «религию в границах одного только разума» как некое априорное учение из одних только понятий? Если же это не так, то каков характер обращения в этой религии к Откровению и Священному Писанию? Означает ли подобная религия, что, опираясь изначально на исторические свидетельства и Откровение, она *post factum* пытается представить некое философское учение, которое независимо от происхождения можно было бы отстаивать и обосновать «в границах одного только разума»? Имеется ли у подобной «религии в границах одного только разума» своя теология или же это исключительно философское учение? Является ли «религия в границах одного только разума» в широком смысле слова христианской, или же она допускает включение и иных мировых религий, либо же Кант все же высказывает претензию

на «разумность» исключительно христианства? Как с точки зрения «религии в границах одного только разума» выглядят конфессиональные различия внутри самого христианства? Как выглядит характер взаимоотношения философской религии разума и библейской теологии, в особенности в случае расхождения по одному и тому же вопросу? Можно ли вообще назвать позицию Канта христианской, а если да, то надконфессиональной или же протестантской?

Далеко не на все перечисленные выше вопросы Кант дал внятные ответы как в своем трактате 1793 г., так и в более поздних произведениях. Тем более невозможно очертить его позицию по всем этим вопросам в небольшой статье. Тем не менее, даже если это и не входило в изначальный замысел Канта, своим в чем-то даже провоцирующим заглавием трактата по философии религии философ нащупал важную проблему, которая удовлетворительно не решена и по сей день, и заслуга кантовского трактата состоит уже хотя бы в том, что он одним своим титульным листом вновь и вновь инспирирует размышления читателей на эту важную тему.

II. Концентрические круги в «Религии в границах одного только разума»

Первые же отклики на кантовский трактат по философии религии и его заглавие показали, что развитие Кантом религии разума порождало вопросы об отношении «религии в границах одного только разума» к Библии, библейской теологии, историческим статутарным религиям, исторической церкви... Для пояснения собственной позиции Кант предлагал как результаты своей тонкой понятийной работы, так и наглядные образы. Как первое, так и второе заметно в предисловии ко второму изданию трактата по философии религии. Именно здесь немецкий философ прибегает к образу концентрических кругов:

Так как *откровение* может по крайней мере включать в себя и чистую *религию разума*, а религия разума, наоборот, не может содержать в себе историческое откровение, то я могу рассматривать первое как более *широкую* сферу веры, которая заключает в себе религию разума как более *узкую* сферу (не как два вне друг друга находящихся круга, а как два концентрических круга), и в границах последней философ должен считать себя чистым учителем разума (из одних только принципов *a priori*), а при этом, следовательно, отвлекаться от всякого опыта [Кант 2024а: 92–93; Kant 1914а: 12].

После того, как А.В. Гулыга опубликовал свои изыскания о переписке Канта с А.М. Белосельским-Белозерским [Гулыга 1977: 278–286], ряд кантоведов [Stangneth 2017: 276] в качестве источника для этого образа концентрических кругов у Канта рассматривают иллюстрацию в «Дианиологии» Белосельского-Белозерского [Белосельский 1988: 274–288], нашедшую живой отклик у кенигсбергского философа.

Но каковы бы ни были кантовские источники, важнее все же выяснить, что именно Кант пытается выразить при помощи этого образа. Для концентрических кругов у Канта находятся как понятийные, так и дальнейшие образные пояснения. Он утверждает, что религия разума и конкретная церковь соотносятся

так, как муж и одежда [Кант 2024в: 297; Kant 1917: 53]. Религия занимается самым главным – тем, что следует делать, в то время как церковь – толкованиями и объяснениями, ритуалами и обрядами. И хотя исторически одежда, пожалуй, возникает все же раньше, с точки зрения морали она должна быть подчинена мужу [Кант 2024а: 196–197; Kant 1914а: 106], и в обозримом будущем от нее отказаться невозможно [Kant 1955а: 453; Кант 2024в: 310–311; Kant 1917: 64–65]. Более того, обязанностью человека является ее использование в сфере морали, ибо долг человека состоит в том, чтобы пользоваться церковной верой как подспорьем и направляющим средством для моральных целей [Кант 2024в: 280; Kant 1917: 37]. В этом смысле и Библия является средством введения и распространения в народ идеи религии, основанной на разуме, она «может рассматриваться как подспорье религии и как таковое может быть принята за сверхъестественное откровение» [Кант 2024в: 289; Kant 1917: 44], как связующее звено в объяснении [Кант 2024а: 255; Kant 1914а: 156], связующая нить на необозримое время. Библия – это «единственный инструмент объединения всех людей в одну церковь» [Кант 2024а: 203; Kant 1914а: 112], но церковь опирается на чистое моральное религиозное учение, «чистую религиозную веру» [Кант 2024а: 196; Kant 1914а: 106]. Последняя образует прочное ядро, вокруг которого возникают исторические одежды, более поздние добавления и, в конце концов, различные церковные традиции как «оболочка священного исторического учения» [Kant 1955а: 430].

Однако в присущей только ей части более широкого круга вера в Откровение не является произвольной, а служит применению и дополнению более узкой части [Кант 2024б: 313; Kant 1942: 427]. Она содержит дополнительные, субъективно необходимые средства, которые разум из себя не способен произвести [Kant 1955d: 497], по-новому освещает то, что в противном случае осталось бы непроясненным и что вряд ли в состоянии усмотреть какая-либо философия [Kant 1955с: 494]. Критерием для всего остального является внутренняя религия разума, однако она сначала должна определить свои собственные границы [Кант 2024б: 313; Kant 1942: 427]. Исходя из этих положений кантовской философии религии становится понятным, почему несмотря на изначальную укорененность в протестантской традиции и соответствующее воспитание кенигсбергский философ, как это пронизательно подмечает А. Винтер, «усматривает собственную дистанцию ко всем конфессиям» [Winter 2000: 14].

Тем самым задача Канта состоит не в обосновании какой-либо конфессии, а в обосновании моральной религии, общей всем конфессиям, в результате чего его философское учение о религии нередко дружно отвергается многочисленными представителями всех конфессий. Кант мыслил вне конфессий, ибо считал, что все они в своей основе, в своем ядре едины: «Понятие некоей определенной согласно одним только чисто моральным законам божественной воли позволяет нам мыслить не только *одного* Бога, но, следовательно, также и *одну* религию, которая является чисто моральной» [Кант 2024а: 194; Kant 1914а: 104]; «Есть только *одна* (истинная) религия, но может быть много видов веры» [Кант 2024а: 198; Kant 1914а: 107]. Равным образом существуют различные священные книги, но только одна религия.

И как бы это ни было удивительным для ряда православных богословов, обвиняющих Канта в холодной рассудительности и отсутствии «сердечности»,

именно с сердцем и чем-то внутренним религия и связывалась кенигсбергским философом. Само же различие между религией и теологией иногда представлялось им как различие «внутренней» и «внешней» религии: «Один человек может иметь мало теологии и много религии, другой может обладать ошибочной религией, но хорошей чистой теологией. Теология только лишь теоретична. А религия практична»; «Теология находится в голове, а религия – в сердце» [Kant 1974: 169].

Используемые Кантом в философии религии образы ядра и оболочки или мужа и одежды показывают тесную связь философско-религиозных и этических размышлений. Отстаиваемый Кантом вариант религии разума, во-первых, предполагает преимущественно моральное содержание данной религии, а во-вторых, автономию морали: «...для своей собственной надобности (как объективно, в отношении воления, так и субъективно, в отношении возможности [Können]) ни в коем случае не нуждается в религии, но, благодаря чистому практическому разуму, является достаточной в себе самой» [Kant 2024a: 83; Kant 1914a: 3]. Однако моральный закон ведет нас к религии, но при этом субъективно рассмотренная религия оказывается «познанием всех наших обязанностей как божественных заповедей» [Kant 2024a: 251; Kant 1914a: 153], поскольку моральную религию следует «полагать не в уставных положениях и обрядностях, но в умонастроении сердца к соблюдению всех человеческих обязанностей как божественных заповедей» [Kant 2024a: 171; Kant 1914a: 84]. Кант отстаивает этот тезис, ибо он убежден:

Для нас является тайной все, что делает Бог для того, чтобы сделать человека более благосклонным к себе. Только то, что мы должны делать, не является для нас тайной [Kant 1955b: 118].

В кантовском взгляде на соотношение разных видов религии и веры как на концентрические круги имелась одна историческая составляющая, которая часто упускается из виду. Кант размышлял о философии религии в тот момент, когда филологическая критика Библии окончательно упрочивалась в немецких университетах XVIII в. После работ таких исследователей, как неоднократно упоминаемый в кантовском трактате о религии И.Д. Михаэлис, теология пребывала в новой для себя ситуации, ибо Священное Писание превратилось в такой же предмет филологического исследования и критики, как и любой другой текст. Согласно справедливому наблюдению Л. Марино, «дабы отразить удары филологии, теология могла выбирать только между двумя альтернативами: либо полностью или почти полностью ее отбросить, как Гаман, либо же противостоять ей в лице некоей более высокой научности и объективности, как это попытался сделать Гердер» [Marino 1995: 280]. Модным веянием того времени стали возлагаемые на восточные языки надежды, в соответствии с которыми восточные языки помогут в истолковании утраченных смыслов в древнееврейском языке, поспособствовав тем самым более правильному пониманию Св. Писания [Ibid.: 278–279]. Ужаснувшись новейших филологических тонкостей применительно к Библии, И.Г. Гаман в «Крестовых походах филолога» (1762) заметил по поводу «пробуждения умершего древнееврейского языка», отсылая, вероятно, к библейскому сюжету (Мк. 12:20–22):

Если с учением о древнееврейском языке произойдет то же, что с той женой в Евангелии, которая имела мужьями семерых братьев, так и не получив наследства, то подобная авантюра саддукеев наших дней дала бы, конечно, в руки новую параболу против нашей религии. Но при всех искусственных средствах и здесь может быть верным следующее: вы не понимаете Писание, ни силу БОГА, ни его воздействие, ни его истолкование, которое не зависит от философских оснований [Hamann 1950: 182].

Другой современник и оппонент Канта, Ф. Николаи, в имевшем немалый успех романе «Жизнь и мнения господина магистра Себастьяна Нотанкера» (1773, 1799) также остроумно затронул эту проблему. В разговоре с главным героем, крузианцем Нотанкером, филолог-ориенталист утверждает, что древнееврейский язык полностью умер и без арабских корней совершенно невозможно помыслить его палингенез. Лишь корни близких древнееврейскому языков – в особенности арабского – могут позволить восстановить утраченные значения древнееврейских слов и тем самым правильно понять Библию [Nicolai 1960: 275]. Нотанкер возражает при помощи как комичных контрпримеров, так и тезиса о совершенно недостаточном владении его европейскими современниками восточными языками, а также соображения о том, что изучаемый в его время арабский язык за время, прошедшее после вымирания древнееврейского, успел существенно изменить собственные значения. Однако главный его аргумент против ориенталистской филологизации теологии состоит все же в ином: «Благо человеческого рода совершенно не может опираться на подобное буквоедство!» [Ibid.: 278]. Мораль человека не может зависеть от его способности или неспособности спрягать арабские глаголы⁴.

Все это явилось для Канта дополнительным аргументом в пользу нахождения ядра, или круга с наименьшим радиусом, или «мужа», которые будут неподвластны историческим изменениям, теологическим раздорам, филологической критике, на основе разума содержа в себя лишь самые главные, неизменные и вечные истины морали и религии. В одном из писем Гаману Кант подчеркнул:

Если религия однажды поставлена таким образом, что основную крепость составляет критическое знание древних языков, филологическая и *антикварная* ученость, на которых она должна быть построена сквозь все эпохи и у всех народов, то тот, кто лучше всего сведущ в греческом – еврейском – сирийском – арабском и т.п., а также в архивах древности, потащит всех ортодоксов как детей туда, куда захочет, какими бы они при этом ни выглядели недовольными; они не имеют права стонать, ибо в том, что по их же собственному признанию имеет доказательную силу, они не могут помериться с ним и робко смотрят, как Михаэлис переплавляет их многолетнее богатство и придает ему иную чеканку. Если теологические *факультеты* со временем ослабят свое внимание по поддержанию у своих воспитанников такого сорта *литературы*, что по меньшей мере, кажется, имеет место у нас, если свободомыслящие *филологи* в одиночку будут владеть этим *вулканическим* оружием, тогда репутация тех *демагогов* совершенно испорчена, и они должны

⁴ Однако кантовская попытка противостоять этому при помощи «Религии в границах одного только разума» высмеивается со стороны Николаи [Nicolai 1960: 276–277 Anm.].

будут в том, чему предназначены учить, получать инструкции от литераторов [Кант 1922: 160–161].

В отличие от Гамана или Гердера, Кант не стал пытаться спасти теологию, а, напротив, поставил себе целью обосновать в философии такую мораль, которая бы была независима от возможных колебаний теологии под воздействием филологии и науки в целом. Мораль, составляющая суть кантовской религии, не может зависеть ни от сиюминутной конъюнктуры, ни от последнего научного открытия, отменяющего на время до новейшего открытия предпоследнее открытие.

В какой мере замысел Канта был удачен или неудачен – это вопрос для отдельного исследования. В частности, в какой мере Кант и в самом деле отстаивал некий универсалистский вариант религии разума и не скрывался ли за ширмой претензии на всеобщность и необходимость всего лишь маскируемый под универсалистский христианский западноевропейский подход с расистским и шовинистическим подтекстом. Но уже сейчас можно все же сказать, что целый ряд псевдопоследователей кантовского подхода вряд ли понял подлинный замысел Канта, упрямо выдавая одежду за мужа, а оболочку – за мнимое ядро.

Список литературы

Белосельский 1988 – Белосельский А.М. Дианиология, или философская схема интеллекта / Пер. И.И. Кравченко // Историко-философский ежегодник 1988. М.: Наука, 1988. С. 274–288.

Гулыга 1977 – Гулыга А.В. Кант. М.: Молодая гвардия, 1977.

Кант 1908 – Кант И. Религия в пределах только разума / Пер. Н.М. Соколова. СПб.: Изд. В.И. Яковенко, 1908.

Кант 1980 – Кант И. Религия в пределах только разума / Пер. Н.М. Соколова, А.А. Столярова // Кант И. Трактаты и письма / Под ред. А.В. Гулыги. М.: Наука, 1980. С. 78–278.

Кант 1994а – Кант И. Прологомены ко всякой будущей метафизике, которая может явиться как наука // Кант И. Сочинения: в 8 т. / Под ред. А.В. Гулыги. Т. 4. М.: Чоро, 1994. С. 5–151.

Кант 1994б – Кант И. Религия в пределах только разума / Пер. Н.М. Соколова, А.А. Столярова, А.В. Михайлова // Кант И. Сочинения: в 8 т. / Под ред. А.В. Гулыги. Т. 6. М.: Чоро, 1994. С. 5–223.

Кант 2006 – Кант И. Критика чистого разума // Кант И. Сочинения на немецком и русском языках / Под ред. Н.В. Мотрошиловой, Б. Тушлинга. Т. 2.1. М.: Наука, 2006. С. 5–1071.

Кант 2019 – Кант И. Метафизика нравов. Ч. 2. Метафизические основные начала учения о добродетели // Кант И. Сочинения на немецком и русском языках / Под ред. Н.В. Мотрошиловой, Б. Тушлинга. Т. 5.2. М.: Канон+, 2019. С. 15–261.

Кант 2024а – Кант И. Религия в границах одного только разума // Кант И. Сочинения по антропологии, философии политики и философии религии в трех томах / Под ред. Н.А. Дмитриевой (отв. ред.), А.Г. Жаворонкова, А.Н. Круглова, В.А. Чалого. Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2024. Т. 3: Кант И. Религия в границах одного только разума / Под ред. А.Н. Круглова; пер. с нем. Л.Э. Крыштоп под ред. А.Н. Круглова; предисл. и коммент. А.Н. Круглова, Л.Э. Крыштоп. Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2024. С. 81–310.

Кант 2024б – *Кант И.* Черновые наброски к трактату «Религия в границах одного только разума» // *Кант И.* Сочинения по антропологии, философии политики и философии религии в трех томах / Под ред. Н.А. Дмитриевой (отв. ред.), А.Г. Жаворонкова, А.Н. Круглова, В.А. Чалого. Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2024. Т. 3: *Кант И.* Религия в границах одного только разума / Под ред. А.Н. Круглова; пер. с нем. Л.Э. Крыштоп под ред. А.Н. Круглова; предисл. и коммент. А.Н. Круглова, Л.Э. Крыштоп. Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2024. С. 311–335.

Кант 2024в – *Кант И.* Спор факультетов // *Кант И.* Сочинения по антропологии, философии политики и философии религии в трех томах / Под ред. Н.А. Дмитриевой (отв. ред.), А.Г. Жаворонкова, А.Н. Круглова, В.А. Чалого. Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2024. Т. 2: Сочинения по философии политики / Под ред. В.А. Чалого; пер. с нем. Н.А. Дмитриевой, А.С. Зильбера, М.В. Ровбо, А.Н. Саликова под ред. Н.А. Дмитриевой, А.С. Зильбера, П.В. Резвых; предисл. В.А. Чалого; коммент. А.Н. Саликова, В.А. Чалого. Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2024. С. 205–361.

Crusius 1766 – *Crusius Chr. A.* Entwurf der nothwendigen Vernunft-Wahrheiten, wiefern sie den zufälligen entgegen gesetzt werden. Leipzig: Gleditsch ³1766.

Eschenbach 1757 – *Eschenbach J.Chr.* Metaphisic oder Hauptwissenschaft. Rostock: A.F. Röse, 1757.

Esposito 2009 – *Esposito C.* Die Schranken der Erfahrung und die Grenzen der Vernunft. Kants Moraltheologie // Aufklärung. Interdisziplinäres Jahrbuch zur Erforschung des 18. Jahrhunderts und seiner Wirkungsgeschichte. Bd. 21. Hamburg: Meiner, 2009. S. 117–123.

Feloy 2011 – *Feloy S.* Metaphor and Boundary. H.S. Reimarus' Vernunftlehre as Kant's Source // *Lebenswelt*. Vol. 1. 2011. P. 31–46.

Hamann 1950 – *Hamann J.G.* Kreuzzüge des Philologen // *Hamann J.G.* Sämtliche Werke, historisch-kritische Ausgabe / Hrsg. von J. Nadler. Bd. 2. Wien: Herder, 1950. S. 113–246.

Кант 1911 – *Кант И.* Prolegomena // *Кант's* gesammelte Schriften / Hrsg. von der Königlich Preußischen Akademie der Wissenschaften. Bd. IV. Berlin: G. Reimer, ²1911. S. 253–384.

Кант 1914а – *Кант И.* Die Religion innerhalb der Grenzen der bloßen Vernunft // *Кант's* gesammelte Schriften / Hrsg. von der Königlich Preußischen Akademie der Wissenschaften. Bd. VI. Berlin: G. Reimer, ²1914. S. 1–202.

Кант 1914б – *Кант И.* Die Metaphysik der Sitten // *Кант's* gesammelte Schriften / Hrsg. von der Königlich Preußischen Akademie der Wissenschaften. Bd. VI. Berlin: G. Reimer, ²1914. S. 203–493.

Кант 1917 – *Кант И.* Der Streit der Fakultäten // *Кант's* gesammelte Schriften / Hrsg. von der Königlich Preußischen Akademie der Wissenschaften. Bd. VII. Berlin: G. Reimer, ²1917. S. 1–116.

Кант 1922 – *Кант И.* Brief an J.G. Hamann vom 8. April 1774 // *Кант's* gesammelte Schriften / Hrsg. von der Königlich Preußischen Akademie der Wissenschaften. Bd. X. Berlin: de Gruyter, ²1922. S. 158–161.

Кант 1942 – *Кант И.* Vorarbeit zur Religion innerhalb der Grenzen der bloßen Vernunft // *Кант's* gesammelte Schriften / Hrsg. von der Königlich Preußischen Akademie der Wissenschaften. Bd. XX. Berlin: de Gruyter, 1942. S. 425–440.

Кант 1955а – *Кант И.* Vorarbeit zum Streit der Fakultäten // *Кант's* gesammelte Schriften / Hrsg. von der Königlich Preußischen Akademie der Wissenschaften. Bd. XXIII. Berlin: de Gruyter, 1955. S. 421–464.

Кант 1955б – *Кант И.* Vorarbeit zur Religion innerhalb der Grenzen der bloßen Vernunft // *Кант's* gesammelte Schriften / Hrsg. von der Königlich Preußischen Akademie der Wissenschaften. Bd. XXIII. Berlin: de Gruyter, 1955. S. 87–124.

Кант 1955с – *Кант И.* Brief an H. Jung-Stilling vom 1. März 1789 // *Кант's* gesammelte Schriften / Hrsg. von der Königlich Preußischen Akademie der Wissenschaften. Bd. XXIII. Berlin: de Gruyter, 1955. S. 494–495.

Kant 1955d – *Kant I. Brief an M. Reuss vom 7. Mai 1793* // Kant's gesammelte Schriften / Hrsg. von der Königlich Preußischen Akademie der Wissenschaften. Bd. XXIII. Berlin: de Gruyter, 1955. S. 496–497.

Kant 1974 – *Kant I. Praktische Philosophie Powalski* // Kant's gesammelte Schriften / Hrsg. von der Königlich Preußischen Akademie der Wissenschaften. Bd. XXVII, 1. Berlin: de Gruyter, 1974. S. 91–236.

Marino 1995 – *Marino L. Praeceptores Germaniae: Göttingen 1770–1820*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1995.

Meier 1747 – *Meier G.F. Rettung der Ehre der Vernunft wider die Freygeister*. Halle: Hemmerde, 1747.

Meier 1765 – *Meier G.F. Metaphysik*. Tl. 4. Halle: Hemmerde, 1765.

Nicolai 1960 – *Nicolai F. Leben und Meinungen des Herrn Magister Sebaldus Nothanker*. Berlin: Rütten & Loening, 1960.

Nösselt 1774 – *Nösselt J.A. Vertheidigung der Wahrheit und Göttlichkeit der Christlichen Religion*. Halle: Im Verlag des Waisenhauses, 1774.

Stangneth 2017 – *Stangneth B. Anmerkungen des Herausgebers // Kant I. Die Religion innerhalb der Grenzen der bloßen Vernunft / Mit einer Einleitung und Anmerkungen* hrsg. von B. Stangneth. Hamburg: Meiner, 2017. S. 275–304.

Winter 2000 – *Winter A. Der andere Kant. Zur philosophischen Theologie Immanuel Kants / Mit einem Geleitwort von N. Hinske*. Hildesheim: Olms, 2000.

References

Belosel'skij, A. M. "Dianiologiya, ili filosofskaya skhema intellekta" [Dianiology, or the philosophical scheme of intellect]. Transl. by. I.I. Kravchenko, *Istoriko-filosofskij ezhegodnik 1988*. Moscow: Nauka, 1988. P. 274–288. (In Russian)

Gulyga, A.V. *Kant*. Moscow: Molodaya gvardiya, 1977. (In Russian)

Kant, I. *Religiya v predelakh tol'ko razuma* [Religion within the Bounds of Bare Reason]. Trans. by N.M. Sokolov. St. Petersburg: Izd. V.I. Yakovenko, 1908. (In Russian)

Kant, I. "Religiya v predelakh tol'ko razuma" [Religion within the Bounds of Bare Reason]. Trans. by N.M. Sokolov, A.A. Stolyarov, *Traktaty i pis'ma* [Treatises and letters]. Ed. by A.V. Gulyga. Moscow: Nauka, 1980. P. 78–278. (In Russian)

Kant, I. "Prolegomeny ko vsyakoj budushchej metafizike, kotoraya mozhet poyavit'sya kak nauka" [Prolegomena], *Sochineniya v 8 t.* [Works in 8 vols]. Ed. by A.V. Gulyga. Vol. 4. Moscow: Choro, 1994. P. 5–151. (In Russian)

Kant, I. "Religiya v predelakh tol'ko razuma" [Religion within the Bounds of Bare Reason]. Trans. by N.M. Sokolov, A.A. Stolyarov, A.V. Mikhaylov, *Sochineniya v 8 t.* [Works in 8 vols]. Ed. by A.V. Gulyga. Vol. 6. Moscow: Choro, 1994. P. 5–223. (In Russian)

Kant, I. "Kritika chistogo razuma" [The Critique of Pure Reason], *Sochineniya na nemeckom i russkom yazykah* [Works in German and Russian]. Ed. by N.V. Motroshilova, B. Tuschling. Vol. 2.1. Moscow: Nauka, 2006. P. 5–1071. (In Russian)

Kant, I. "Metafizika nravov. Vol. 2. Metafizicheskie osnovnye nachala ucheniya o dobrodeteli" [Metaphysics of Morals. Vol. 2. Doctrine of Virtue], *Sochineniya na nemeckom i russkom yazykah* [Works in German and Russian]. Ed. by N.V. Motroshilova, B. Tuschling. Vol. 5.2. Moscow: Kanon+, 2019. P. 15–261. (In Russian)

Kant, I. "Religiya v granicakh odnogo tol'ko razuma" [Religion within the Bounds of Bare Reason], *Sochineniya po antropologii, filosofii politiki i filosofii religii v trekh tomah* [Works on Anthropology, Philosophy of Politics and Philosophy of Religion in three volumes]. Ed. by N.A. Dmitrieva, A.G. Zhavoronkov, A.N. Kruglov, V.A. Chal'j. Kaliningrad: Izd. BFU im.

I. Kanta, 2024. Vol. 3: Kant I. *Religiya v granicakh odnogo tol'ko razuma* [Religion within the Bounds of Bare Reason]. Ed. by A.N. Kruglov, transl. by L.E. Krysh-top, comm. by A.N. Kruglov, L.E. Krysh-top. Kaliningrad: Izd. BFU im. I. Kanta, 2024. P. 81–310. (In Russian)

Kant, I. “Chernovye nabroski k traktatu ‘Religiya v granicah odnogo tol'ko razuma’” [Drafts for the treatise “Religion within the Bounds of Bare Reason”], *Sochineniya po antropologii, filosofii politiki i filosofii religii v trekh tomah* [Works on Anthropology, Philosophy of Politics and Philosophy of Religion in three volumes]. Ed. by N.A. Dmitrieva, A. G. Zhavoronkov, A.N. Kruglov, V.A. Chalyj. Kaliningrad: Izd. BFU im. I. Kanta, 2024. Vol. 3: Kant I. *Religiya v granicakh odnogo tol'ko razuma* [Religion within the Bounds of Bare Reason]. Ed. by A.N. Kruglov, trans. by L.E. Krysh-top, comm. by A.N. Kruglov, L.E. Krysh-top. Kaliningrad: Izd. BFU im. I. Kanta, 2024. P. 311–335. (In Russian)

Kant, I. “Spor fakul'tetov” [Conflict of Faculties], *Sochineniya po antropologii, filosofii politiki i filosofii religii v trekh tomah* [Works on Anthropology, Philosophy of Politics and Philosophy of Religion in three volumes]. Ed. by N.A. Dmitrieva, A.G. Zhavoronkov, A.N. Kruglov, V.A. Chalyj. Kaliningrad: Izd. BFU im. I. Kanta, 2024. Vol. 2: Kant I. *Sochineniya po filosofii politiki* [Works in Philosophy of Philosophy of Politics]. Ed. by V.A. Chalyj, transl. by N.A. Dmitrieva, A.S. Zil'ber, M.V. Rovbo, A.N. Salikov, comm. by A.N. Salikov, V.A. Chalyj. Kaliningrad: Izd. BFU im. I. Kanta, 2024. P. 205–361. (In Russian)

Crusius, Chr.A. *Entwurf der nothwendigen Vernunft-Wahrheiten, wiefern sie den zufälligen entgegen gesetzt werden*. Leipzig: Gleditsch ³1766.

Eschenbach, J.Chr. *Metaphisic oder Hauptwissenschaft*. Rostock: A.F. Röse, 1757.

Esposito, C. Die Schranken der Erfahrung und die Grenzen der Vernunft. Kants Moralthologie, Aufklärung. *Interdisziplinäres Jahrbuch zur Erforschung des 18. Jahrhunderts und seiner Wirkungsgeschichte*, Bd. 21. Hamburg: Meiner, 2009. S. 117–123.

Feløj, S. Metaphor and Boundary. H.S. Reimarus' Vernunftlehre as Kant's Source, *Lebenswelt*, Vol. 1, 2011. P. 31–46.

Hamann, J.G. “Kreuzzüge des Philologen”, *Sämtliche Werke, historisch-kritische Ausgabe*. Hrsg. von J. Nadler. Bd. 2. Wien: Herder, 1950. S. 113–246.

Kant, I. “Prolegomena”, *Kant's gesammelte Schriften*. Hrsg. von der Königlich Preußischen Akademie der Wissenschaften. Bd. IV. Berlin: G. Reimer, ²1911. S. 253–384.

Kant, I. “Die Religion innerhalb der Grenzen der bloßen Vernunft”, *Kant's gesammelte Schriften*. Hrsg. von der Königlich Preußischen Akademie der Wissenschaften. Bd. VI. Berlin: G. Reimer, ²1914. S. 1–202.

Kant, I. “Die Metaphysik der Sitten”, *Kant's gesammelte Schriften*. Hrsg. von der Königlich Preußischen Akademie der Wissenschaften. Bd. VI. Berlin: G. Reimer, ²1914. S. 203–493.

Kant, I. “Der Streit der Fakultäten”, *Kant's gesammelte Schriften*. Hrsg. von der Königlich Preußischen Akademie der Wissenschaften. Bd. VII. Berlin: G. Reimer, ²1917. S. 1–116.

Kant, I. “Brief an J.G. Hamann vom 8. April 1774”, *Kant's gesammelte Schriften*. Hrsg. von der Königlich Preußischen Akademie der Wissenschaften. Bd. X. Berlin: de Gruyter, ²1922. S. 158–161.

Kant, I. “Vorarbeit zur Religion innerhalb der Grenzen der bloßen Vernunft”, *Kant's gesammelte Schriften*. Hrsg. von der Königlich Preußischen Akademie der Wissenschaften. Bd. XX. Berlin: de Gruyter, 1942. S. 425–440.

Kant, I. “Vorarbeit zum Streit der Fakultäten”, *Kant's gesammelte Schriften*. Hrsg. von der Königlich Preußischen Akademie der Wissenschaften. Bd. XXIII. Berlin: de Gruyter, 1955. S. 421–464.

Kant, I. “Vorarbeit zur Religion innerhalb der Grenzen der bloßen Vernunft”, *Kant's gesammelte Schriften*. Hrsg. von der Königlich Preußischen Akademie der Wissenschaften. Bd. XXIII. Berlin: de Gruyter, 1955. S. 87–124.

Kant, I. "Brief an H. Jung-Stilling vom 1. März 1789", *Kant's gesammelte Schriften*. Hrsg. von der Königlich Preußischen Akademie der Wissenschaften. Bd. XXIII. Berlin: de Gruyter, 1955. S. 494–495.

Kant, I. "Brief an M. Reuss vom 7. Mai 1793", *Kant's gesammelte Schriften*. Hrsg. von der Königlich Preußischen Akademie der Wissenschaften. Bd. XXIII. Berlin: de Gruyter, 1955. S. 496–497.

Kant, I. "Praktische Philosophie Powalski", *Kant's gesammelte Schriften*. Hrsg. von der Königlich Preußischen Akademie der Wissenschaften. Bd. XXVII, 1. Berlin: de Gruyter, 1974. S. 91–236.

Marino, L. *Praeceptores Germaniae: Göttingen 1770–1820*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1995.

Meier, G.F. *Rettung der Ehre der Vernunft wider die Freygeister*. Halle: Hemmerde, 1747.

Meier, G.F. *Metaphysik*. Tl. 4. Halle: Hemmerde, ²1765.

Nicolai, F. *Leben und Meinungen des Herrn Magister Sebaldus Nothanker*. Berlin: Rütten & Loening, 1960.

Nösselt, J.A. *Vertheidigung der Wahrheit und Göttlichkeit der Christlichen Religion*. Halle: Im Verlag des Waisenhauses, ⁴1774.

Stangneth, B. "Anmerkungen des Herausgebers", Kant I. *Die Religion innerhalb der Grenzen der bloßen Vernunft*. Mit einer Einleitung und Anmerkungen hrsg. von B. Stangneth. Hamburg: Meiner, ²2017. S. 275–304.

Winter, A. *Der andere Kant. Zur philosophischen Theologie Immanuel Kants*. Mit einem Geleitwort von N. Hinske. Hildesheim: Olms, 2000.